

Галина Ицкович. Переключая коды.

О романе И. Синглтона «Две большие разницы».

Ian Ross Singleton, "Two Big Differences". M•Graphics, Boston, 2021.

Это история об анекдотах. Поэтому хочется начать анекдотным: «Вы слышали?..»

Вы слышали, что Иен Росс Синглтон, американский прозаик, переводчик и эссеист, написал роман о любви, он же роман об Одессе (Украина), он же роман о переводе и о самоидентификации? Вся эта история достойна попасть в анекдот, уж точно в философский анекдот Славоя Жижека. Короче: американец приезжает в Одессу вслед за любимой женщиной, его, естественно, обирают и дурят, а в конце вместо того, чтобы совсем пропасть, сгинуть самому, он хоронит ее. Такой себе чисто абстрактный анекдот. В Одессе любят абстрактные анекдоты.

Роман-путешествие «аутсайдера» из Америки в Украину? — тут сразу вспоминается «И все осветилось» Джонатана Сафрана Фоера. Но у протагониста «Двух больших разниц» другая мотивация, во всяком случае, изначально: Валентин-Валенька, уроженец Детройта, не исследует собственные украинские корни, не доискивается до тайн прошлого века; он отправился в Украину с любимой женщиной, чтобы понять и наконец завоевать ее. В общем, в романе этом присутствуют все основные темы и многие структурные элементы мономифа. Более того, это первый роман Синглтона. Или — он начинает с путешествия героя именно потому, что это его первый роман? В любом случае, планка поднята довольно высоко.

Но главное, Иен Синглтон написал роман о свободе и несвободе, где кульминация — это историческая хроника события, ставшего одной из важнейших вех в новейшей украинской истории, события, в большой мере определившего риторику российской пропаганды, подготовившего общественное мнение перед полномасштабной войной. Надо же так случиться, что на сегодняшний день не существует еще художественного отображения того, что происходило в одесском Доме Профсоюзов 2 мая 2014 г., и уж точно нет описания этих событий в англоязычной литературе. А между тем понимание их важно для понимания того, за что и как воюют сегодня в Украине. Это все равно, что впервые описать поджог рейхстага.

Эта история состоит из английского и русского, как подтверждает автор. Это история о переключении кодов. Переключение кодов — это термин из языкознания, означающий один из этапов изучения нового языка: в родной, исходный язык все чаще вставляются междометия и идиомы из языка изучаемого. Так учат язык дети. Естественно, как дыхание. Взрослым переключение кодов дается труднее. Пока мы разглядываем события на просвет, вертя их так и сяк — главы с точки зрения Валентина, с точки зрения Зины, ее

родителей Олега и Гали, — возникает новый язык, суржик сродни одесскому, но замешанный на английском автора. «Две большие разницы» будет непросто перевести на русский, может, ещё и потому, что в процессе Синглетон изобрел свою собственную версию языка, направленную на общение с самим собой и со своими блуждающими в поисках свободы внутренней и внешней персонажами.

Объединяет же их город, переменчивый и ненадежный хранитель абсолютной правды — во всяком случае, на это надеется Валентин. Сконцентрированный одесский воздух. Одесса — это больше, чем город, это самоидентификация, и в романе город на самом деле отдельный персонаж, существо мифологическое, нечто среднее между китайским львом и единорогом. Город-государство, республика порто-франко, мифический оплот небывалой свободы, место действия, обратившееся в персонаж. В этом ожившем пейзаже, в чудесной стране чужого детства разговаривают скриптами, жестами, заимствованными конструкциями, аллюзиями и аналогиями, ну, и анекдотами, а как же еще поддержать миф об Одессе?

Лингвоцентрический подход и «две большие разницы»

Нет, все-таки давайте о языке. Не зря говорят, что лучший способ изучить язык — это завести любовника(-цу), говорящую на этом самом языке. Валентин-Валенька изучает язык именно так, пытаясь завоевать Зину, в гештальте. Понятна и потому простительна торопливая жадность, с которой Валентин (и, разумеется, автор вместе с ним) вгрызается в колорит названий и сленга, в скороговорку одесской плоти, в топографию. Кажется, еще немного, и его перестанут выделять в толпе как иностранца, «пиндоса», чужака. Ах, как хочется ему стать своим в этом этносе, для этих людей, особенно для Зины. Отдельные слова, устоявшиеся выражения, тесьма без основы нарастают на ткань событий.

Сначала путешествие героев, странной парочки, в Одессу кажется игрой, где Валенька — всего-то игрушка из Зининого детства, опадающий и вздымающийся Пьеро, с Детройтом и Одессой на разных концах рычага. У Зины свои причины посетить город детства. Метафизические поиски матери, которая оторвалась от истоков, уехав на Запад, превращается в попытки вырвать отца из прошлого (оказавшаяся в Доме Профсоюзов Зина, собственно, и погибает из-за того, что она пришла искать отца). Валентин, американский Орфей, спустившийся в сепаратистский ад за своей Зиной, обречен на одиночество. Читатель, собственно, предчувствует с самого начала, что она саботирует свое спасение.

Лингвистические модули, используемые Валенькой, — это одесские анекдоты. Они же ведут к самопознанию. Сцена в катакомбах — чем не итерация жижековского анекдота про Иисуса Христа?

“В ночь перед тем, как Христа арестовали и распяли, его ученики начали волноваться из-за того, что он по-прежнему был девственником. Быть может, Христу не помешало бы

испытать немного удовольствия, прежде чем он умрет? Ученики попросили Марию Магдалину отправиться в палатку, где отдыхал Иисус, чтобы его соблазнить. Мария ответила, что с радостью все сделает, и вошла в палатку, однако спустя пять минут выскочила из нее кричащая, злая и испуганная. Ее спросили, что же пошло не так, и она объяснила: «Я медленно разделась, после чего раздвинула ноги и показала Христу свою киску. Он посмотрел на нее и сказал: „Ужасная рана! Ее нужно тотчас же исцелить!“ — и мягко приложил к ней свою руку». Валенька принимает Зинину сексуальную ориентацию за рану. Он приехал в Одессу, чтобы познать глубины отторжения.

«Разговорчивый, больше вопросов, чем ответов, Валенька был женственным». Предполагаю, он казался Другим не только зловеще прагматичным одесситам. Другим. Чтобы разобраться в концепции Другого («речь сводится к функции отношения к другому», и только «речь может нас с ним объединить», Жак Лакан), достаточно вспомнить анекдот от Синглтона про Абрамовича, в туалете писающего сидя, только б не показать свои интимные части глядящим на мир сквозь него, его глазами, предкам (можно сравнить с анекдотом от Жижека про сумасшедшего, считавшего себя пшеничным зерном: «Я-то, вылечившись, понял, что я не зерно, но дошло ли до кур?»).

Я начинаю думать, что Другой в романе — это сам город, знающий правду, прячущий правду в своих обветшавших прекрасных зданиях, в булыжниках Дерibasовской,веряющий правдой, в том числе и Правдой с большой буквы, логику поведения и решений персонажей. И Валентин формируется заново — вместе с тезаурусом на суржике. Он никогда теперь не сможет предать этот город или вообразить его во владении Володи (Володь), пытающихся стереть правду о советском прошлом, восстановить диктатуру, переписать настоящее.

Теория мифа

Реализм увлечен — и вовлечен — в построение содержания как такового и в достижение фотографического, абсолютного сходства, «Две большие разницы» не гонятся за сходством — так, оставляют метки в памяти, «пробелы в судьбе», чтобы однажды, вернувшись, найти значимое. Но ни в коем случае на надо рассматривать эту книгу как путеводитель по городу или по судьбам его обитателей, ибо, как утверждает Нортроп Фрай, формальный повод для написания пейзажа находится вне пейзажа. Название его повторяется как заклинание, даже как оберег. Возможно, это часть мифа о сотворении мира. Миф об украинском самосознании.

Почему так важен миф о рождении нации? Потому что именно это является краеугольным камнем конфликта «Украина-Россия», и неплохо бы прописать фигуры и действующие лица, превратив пейзаж в жанровую сцену. Если совсем вкратце: Валентин-Валенька, американец, поверивший в могущество русского, точнее, одесского языка, именно так

познает страну. Попробуем сказать иначе: поверив в собственную любовь, познает — принимает в себя — целый мир. Любит Зину и потому принимает ее город. И теряет Зину, приобретая Одессу.

Полюбив язык, населяешь его персонажами. Заговорив на новом языке, начинаешь безрассудно общаться с носителями. И носители не подводят, предоставляя неофиту полный спектр ожидаемых острых впечатлений: ограблен, одурачен, обойден. Но пока Валенька, в сумеречном лингвистическом состоянии, улучшает понимание, произношение и, самое главное, прагматику русского, в Одессу начинает вливаться украинский, стыдно живой, столетиями прятанный по окрестным поселкам и деревням, как бы не существующий для настоящих одесситов. Одесситы хвастаются своей принадлежностью к городу, знанием потайных проходов и историй. Украинский, как какой-нибудь преколумбов язык - или как идиш, что хранился на дальней полке, — сводится к сухим урокам средней школы: он изучался как иностранный. Иностранец Валенька, конечно же, не поспевает за этими переменами. Да что там, местные, и те в недоумении. Впору вспомнить «Интервенцию» Славина: *«У одних любовь кончается триппером. У тебя она может кончиться петлей»*. Ср. у Синглтона: *«Во время войны тела висели на фонарях. Кладбище было ни к чему. По крайней мере, сейчас еще не стало так плохо»*. Пожалуй, он начинает постигать принцип одесского юмора: когда становится *так* плохо, пора рассказать анекдот. Неизбежно в какой-то момент возникает доверие к тому, с кем ведется бесконечный диалог. Валентин не становится «своим», о нет. Но ему начинают отводить место в городских кварталах, в историях и в воспоминаниях. Его помнят в воображаемом этом мире, он не случаен.

Когда бежишь через толпу, не сразу понимаешь, куда сейчас, бежишь ты за или против, с кем ты, против кого ты. Пока Валентин и Зина прокладывают маршруты, среди идиом и анекдотов, по Одессе их воображения, город оказывается перед выбором. «Архив Эхо» (намёк на «Эхо Москвы» и демократическую прессу?) занимается тем, что, наподобие «Мемориала», разбирает хранившиеся незнамо, где свидетельства очевидцев. *«Правда всего-то в том, что смерть всегда оставалась рядом, что она была как статика в комнате, что она и была невысказанным. Невозможно было бы привлечь внимание американцев, разве что Валеньки. Она могла бы вписать его в свое резюме. Он был открыт. Он слушал»*. Мертвечина. Мертвечина режима. Специфический запах морга. Мы уже догадываемся, знаем, что там. Зина же случайно раскрывает для себя истину, «хуистину» о предательстве государством своего народа, о подавлении, о mind control. Но и эти открытия не вполне отражают сущность конфликта, не помогают даже такой бесстрашной, освобожденной своим американским опытом, американским голосом «возвращенке». И, к слову о тайнах: тайны сами находят протагониста, открывая перед ним и перед его возлюбленной возможности героических поступков. Зина погибает случайно, нелепо; Валентин опоздал, так и не спася ее, не заслужив ее любовь (как будто любовь действительно можно заслужить! как будто можно добиться чего-то,

напоминающего взросление). В последней главе он хоронит иллюзии, да и то, скорее всего, только малую их часть. И так рождается миф.

Путешествие героя окончено. Научился ли он держаться на плаву в море новейшей одесской истории? Отличать поражение от победы? Кто знает, что там еще в списке забав... Но Одесса, безусловно, вытатуирована на его судьбе. Там сегодня снова неспокойно, как и сто лет назад, как и в 2014-ом. Зато выбор сделан: вы будете смеяться, но Одесса никогда больше не будет русским городом. Как одесситка в третьем поколении, имею право подтвердить этот анекдотичный факт. В конце концов, две разницы на так уж велики, и отделяет их друг от друга совсем немного. Может, время. Просто должно пройти время. Если бы мы смогли посмотреть на события этого столетия издалека, как точен был бы анализ происходящего! Но, увы, пока приходится довольствоваться скриншотами. “Скриншот” Иена Синглтона важен своим необычным ракурсом, да и эффектом присутствия.

А можно и так, как в романе: *«Вот юноша и старик подошли к морю у подножия скалы. Они доплывают до волнореза, выплывают за него, ложатся на спины. Лицо молодого человека находится на поверхности, уши под водой, глаза над водой. Это значит, что он видит один мир, а слышит другой»*. И такое раздвоение действительно дорогого стоит.